

О некоторых аспектах рамочного документа о сокращениях СНВ, подписанного в ходе саммита президентов России и США

А.С. Дьяков, Е.В. Мясников¹

Официальные представители и России, и США, в целом, выразили удовлетворение итогами визита американского президента Барака Обамы 6-7 июля 2009 г. в Москву. Вместе с тем в прессе на итоги саммита были как положительные, так и отрицательные отклики.² В ходе встреч американского президента с российским были подписаны ряд документов, в частности, касающихся сотрудничества в ядерной сфере, транзита вооружения, военной техники, имущества и персонала в Афганистан, развития сотрудничества между Вооруженными Силами США и РФ, противоракетной обороны. Однако, в фокусе внимания находились вопросы подготовки нового договора о сокращениях стратегических наступательных вооружений, который призван заменить истекающий в декабре 2009 г. Договор СНВ-1.³ Этой теме посвящен документ, получивший название [«Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений»](#). Основные параметры названного документа и толкование его отдельных положений широко обсуждались в средствах массовой информации. В большинстве публикаций их авторы приходят к выводу, что содержание данного документа отражает существенные расхождения в позициях сторон. Соглашаясь в целом с данным выводом, мы, однако, полагаем, что некоторые детали не нашли адекватного отражения в комментариях экспертов, а они важны для понимания перспектив заключения нового договора. Более того, на наш взгляд, эти расхождения присутствуют даже на уровне терминологии, поскольку подписанный документ содержит внутренние противоречия.

Согласно п.1 «Совместного понимания», стороны договорились, что новый договор будет содержать положение о том, что *«...каждая Сторона будет сокращать и ограничивать свои стратегические наступательные вооружения таким образом, чтобы через семь лет после вступления в силу договора и в дальнейшем предельные уровни для стратегических носителей лежали бы в пределах 500-1100 единиц и для связанных с ними боезарядов – в пределах 1500-1675 единиц...»* (выделено авторами).

Казалось бы, положение понятно. Однако, дело в том, что ограничения на **«стратегические наступательные вооружения»**, **«стратегические носители»** и **«связанные с ними боезаряды»** стороны вряд ли понимают одинаковым образом.

¹ Анатолий Степанович Дьяков – к.ф.-м.н., директор [Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ](#), Евгений Владимирович Мясников – к.ф.м.н., ведущий научный сотрудник Центра. Представляемая статья [была опубликована](#) в сокращенном варианте в еженедельнике «Независимое военное обозрение» (N 27, 7-13 августа 2009 г., с. 1, 13)

² См., например: Сергей Рогов, [Хакеры перезагрузки оказались в проигрыше](#)», *Независимое военное обозрение*, 10 июля 2009; Ralf Peters, [Desperate deal, Obama's Moscow giveaway](#), *New York Post*, July 7, 2009

³ О ретроспективе российско-американских переговоров и проблемах замены Договора СНВ-1 новым соглашением см. подробнее: А.С. Дьяков, Е.В. Мясников, [Контроль над стратегическими наступательными вооружениями России и США после 2009 г.: возможен ли компромисс?](#) *Индекс безопасности*, N 4, 2008, с. 41-53

В Договоре СНВ-1 стратегические носители играют первичную роль, поскольку в этом договоре уровни по количеству боезарядов, подпадающие под ограничения, подсчитываются исходя из количества носителей в соответствии с согласованными сторонами правилами засчета. В тексте «Совместного понимания» не упомянуты пусковые установки (ПУ), и этот факт может позволить сторонам по-разному трактовать ограничения на ПУ МБР и ПУ БРПЛ.

По состоянию на январь 2009 г., в соответствии с правилами засчета СНВ-1, за США числилось 1198 развернутых стратегических носителей (550 развернутых МБР и связанных с ними ПУ, 432 развернутых БРПЛ и связанных с ними ПУ, а также 216 развернутых тяжелых бомбардировщиков). Отметим, что в их число входят 99 развернутых ПУ МБР «Минитмен-3», из которых выгружены ракеты и перемещены на склады. Кроме того, четыре атомные подводные лодки типа «Огайо», в совокупности несущие 96 ПУ БРПЛ, были переоборудованы под носители КРМБ большой дальности. Все перечисленные пусковые установки МБР и БРПЛ продолжают засчитываться, поскольку они не были ликвидированы по правилам Договора СНВ-1. Согласованный уровень для стратегических носителей в 1100 единиц может позволить американской стороне вписаться в рамки будущего соглашения без реальных сокращений. Для этого Соединенным Штатам достаточно ввести понятие «оперативно-развернутые носители». Это дало бы им возможность вывести из засчета без каких-либо дополнительных усилий около 100 ПУ МБР, из которых ракеты уже перемещены на склады, а также 4 атомные подводные лодки типа «Огайо», переоборудованные под КРМБ.

До июльского саммита казалось, что между сторонами существует согласие хотя бы в отношении того, какие средства доставки следует относить к «стратегическим носителям» и ограничивать. Во всяком случае, американская сторона официально заявляла, что речь о межконтинентальных баллистических ракетах, баллистических ракетах подводных лодок и тяжелых бомбардировщиках.⁴ Однако, судя по тексту «Совместного понимания», напрашивается противоположный вывод.

Хорошо известно, что Договор СНВ-1 ограничивает **развернутые** носители, а в подписанном недавно в Москве документе это важное слово «развернутые» отсутствует. Но в таком случае как следует понимать продекларированные ограничения для носителей? Предлагается ограничивать все без исключения носители? Только **развернутые** (согласно правилам засчета СНВ-1)? Или лишь **оперативно-развернутые** носители (как, вероятно, предпочитала бы американская сторона)? Предположим, что ключевые слова в тексте «Совместного понимания» - **«связанные с ними (носителями – прим. авт.) боезаряды»**. Специалисты прекрасно понимают, что в указанные в тексте подписанного документа количественные рамки по боезарядам американская сторона может вписаться лишь при условии, если речь идет об **оперативно-развернутых боезарядах**.⁵ Но тогда, согласно такой логике, получается,

⁴ В частности, зам. секретаря Госдепартамента США Роуз Гетемеллер [об этом заявляла](#) 6 апреля 2009 г. на конференции Центра Карнеги по нераспространению.

⁵ Как известно, договор о стратегических наступательных потенциалах 2002 г. ограничивает «стратегические ядерные боезаряды». Для подсчета количественных уровней договора СНП США в одностороннем порядке используют термин «оперативно развернутые стратегические ядерные боезаряды», понимая под этим боеголовки на МБР, развернутых в пусковых установках МБР, боеголовки на БРПЛ, развернутых в пусковых установках БРПЛ и ядерное вооружение тяжелых бомбардировщиков, находящееся на этих ТБ или складированное в базах, в которых эти ТБ находятся.

что первичную роль в новом договоре будут играть именно такие боезаряды, а ограничиваться будут лишь те стратегические носители, которые будут связаны с этими оперативно-развернутыми боезарядами.

Американская сторона до сих пор вела речь об «оперативно-развернутых стратегических ядерных боезарядах». Надо полагать, что она вряд ли изменит свою позицию. Такая позиция не предполагает введения правил засчета «ядерных боезарядов» за развернутыми МБР, БРПЛ и ТБ, подпадающих под действие договора. Что это означает? Это означает, что любая МБР, БРПЛ и любой ТБ могут официально модифицироваться, создаваться и испытываться с любым количеством боезарядов. Главное при этом лишь в том, чтобы на стратегических носителях де-факто размещалось такое количество «ядерных боезарядов», которое укладывалось бы в согласованные лимиты. Иными словами, новый договор будет допускать сколь угодно большой возвратный потенциал.

Если дело обстоит таким образом, то трудно понять, почему российская сторона согласилась с этим подходом. Казалось бы, весь смысл ее предложения о лимитах на носители был именно в том, чтобы ограничить потенциал «загрузки» (возвратный потенциал), а также охватить договорными ограничениями и стратегические средства доставки, которые были переориентированы на решение неядерных задач или временно выведены из эксплуатации. США, как известно, последовательно продолжают проводить линию выведения таких средств доставки из засчета. Вероятнее всего, стороны пока еще так и не договорились какие именно стратегические носители следует ограничить. Широкие рамки на количество носителей – еще одно свидетельство в пользу такого вывода.

Кстати, примечательно, что в тексте «Совместного понимания» говорится о «боезарядах» без подразделения на ядерные и неядерные. Можно, конечно, предполагать, что США согласны включать и засчитывать неядерные боезаряды на стратегических носителях в общее число, подлежащее ограничению. Однако, приведенные ниже соображения делают данное предположение маловероятным.

В соответствии с планами сокращений по Договору СНП США намеревались иметь в шахтных пусковых установках не менее 450 МБР «Минитмен-3», каждая из которых будет нести от 1 до 3 ядерных боеголовок.⁶ В совокупности это будет составлять не менее 450 ядерных боезарядов. Количество подводных лодок, оснащенных БРПЛ «Трайидент-2», составляет 14 единиц, но поскольку две из них обычно находятся на плановом ремонте, оперативно-развернутыми США считают боезаряды лишь на 12 лодках. Учитывая, что каждая ПЛАРБ несет 24 пусковые установки БРПЛ, а количество боеголовок на каждой БРПЛ снижено с 8 до 4 единиц, то общее количество оперативно-развернутых ядерных боезарядов в морской составляющей у США составит 1152. Таким образом, при лимите в 1675, указанном в тексте «Совместного понимания», боезарядов на долю тяжелых бомбардировщиков остается лишь не более 73. Даже если предположить, что будет реализована программа, согласно которой по две пусковые установки на каждой из стратегических подводных лодок будут использованы для размещения БРПЛ с неядерными боеголовками, доля авиационной составляющей не сможет превысить 169 боезарядов.

⁶ О планах развития СНВ США, см., например: Robert S. Norris and Hans M. Kristensen, [Nuclear Notebook: U.S. Nuclear Forces, 2009](#), *Bulletin of Atomic Scientists*, March/April, 2009, pp.59-68

Заслуживает внимания также пункт 6 в тексте, в котором говорится, что новый договор должен содержать положение «о влиянии межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок в неядерном оснащении на стратегическую стабильность». Как уже отмечалось выше, в Договоре СНВ-1 нет разницы какую нагрузку несут МБР и БРПЛ – ядерную или неядерную. Все такие развернутые ракеты подлежат зачету, также как и боезаряды, с ними связанные. Если бы в отношении стратегических носителей сохранилось понимание, соответствующее Договору СНВ-1, пункт 6 оказался бы излишним. Само по себе наличие этого пункта лишний раз свидетельствует о том, что у сторон нет пока консенсуса по вопросу какие носители считать стратегическими.

Если американской стороне удастся провести свой подход к определению стратегических носителей (т.е. стратегическими носителями считаются только те, которые несут **ядерные** боезаряды), то в значительной мере теряется смысл пункта о базировании стратегических наступательных вооружений исключительно на национальной территории каждой из Сторон (пункт 7). Как известно, на этом пункте настаивала российская сторона. И, вероятно, причиной было не допустить размещения в опасной близости от территории России тяжелых бомбардировщиков США, переориентированных на решение неядерных задач, (а, фактически, способных нести и ядерные боезаряды), которые могут объявляться предназначенными для решения задач в зонах возможных военных конфликтов. Естественно, что при «новом» понимании, такие тяжелые бомбардировщики могут оказаться носителями, не являющимися «стратегическими», а потому пункт 7 не будет на них распространяться.

Пункт 5 о включении в договор положения о взаимосвязи стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений является, в какой-то мере, неожиданностью. Как известно, согласно [Лондонскому совместному заявлению](#) от 1 апреля 2009 г. о переговорах по сокращениям СНВ, стратегические оборонительные вооружения (ПРО) не были включены в предмет обсуждения по новому Договору. Вероятно, российская сторона приложила немало усилий для того, чтобы этот пункт появился в тексте «Совместного понимания». Однако, в тексте еще одного документа, подписанного президентами США и России в июле 2009 г., - [Совместного заявления по вопросам ПРО](#) - не содержится ни единого упоминания термина «ПРО», кроме заголовка. В нем говорится о сотрудничестве по реагированию на вызовы распространения баллистических ракет, т.е. фактически фиксируется концепция США, преподносимая в оправдание планов развертывания третьего позиционного района ПРО.

Как известно, прежние договоренности США и СССР об ограничениях и сокращениях СНВ действовали в увязке с Договором по ПРО от 1972 г. В 2002 г. США вышли из Договора по ПРО, и Россия, ссылаясь на этот факт, юридически имела право выйти из Договора СНВ-1, но предпочла не делать этого. Сейчас между Россией и США нет каких-либо договоренностей, ограничивающих ПРО, а потому непонятно, на что будет опираться положение о взаимосвязи стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений. Можно предположить, что российская сторона рассчитывает получить какие либо односторонние обязательства со стороны США ограничить развитие своей ПРО, и предполагает рассматривать такие обязательства как неотъемлемую часть пакета документов для ратификации нового договора по СНВ. Вряд ли такие надежды оправданы. Судя по реакции представителей Госдепартамента

США, ПРО не станет предметом торга на переговорах.⁷ Заключив новый договор о сокращении наступательных вооружений, вероятнее всего, США будут вести бесконечные дискуссии о ПРО, не предлагая никаких реальных шагов по свертыванию своих планов в области создания и развития глобальной ПРО.

Таким образом, стали ли более отчетливыми контуры нового соглашения, которое призвано заменить СНВ-1?

О заинтересованности в выработке нового соглашения заявляют обе стороны, но, как и ожидалось, - по разным причинам. В отношении ПРО, стратегических носителей и КРМБ большой дальности шансов отстоять свои позиции у России не много, если они есть вообще. К сожалению, подписанный в Москве документ указывает на то, что перевешивает американский подход. Важно также понимать, что упомянутые в тексте количественные рамки не будут обязывать стороны ликвидировать наступательные вооружения. Даже если в новом договоре лимит на носители окажется ниже указанной в тексте «Совместного понимания» верхней планки в 1100 единиц, (а этот факт, вероятно, будет преподнесен как успех российской дипломатии) ни к каким дополнительным сокращениям стратегических носителей США это может не привести. Скорее произойдет то же самое, что и в Договоре СНП – смена дефиниций. Раньше считали в «попугаях», а теперь, для того чтобы продемонстрировать видимость сокращений, – в «мартышках». Поэтому существует опасность того, что новый Договор о сокращении СНВ повторит судьбу Договора СНП, оказавшись де-факто лишь декларацией о намерениях, когда каждая из сторон будет понимать эти намерения по-своему. Конечно, в ситуации, когда существует необходимый уровень доверия между сторонами, особенности подсчета могут быть и не столь критичны. В противном случае, однако, может случиться так, что новый Договор окажется лишним раздражителем в российско-американских отношениях. И уж во всяком случае он не станет мостиком к последующим более глубоким сокращениям.

⁷ [Стенограмма брифинга для прессы помощника секретаря Госдепартамента США Филипа Кроули](#), 10 июля 2009 г.